

- Вот оно, чрево "Таганки", - бросил ЗОЛОТУХИН, когда мы шли по нагроможденным проходам и подцениваем в гримерную на втором этаже.

- С этого помоста хоронили Выскокого.

- Да, этим июлем двадцать лет отменили с той поры.

Время - страшная штука, оно безжалостно. Ему что Высоцкий уходит из него, что безвестный дворник.

- Развод был все-таки на каком уровне: на идеологическом, на социальном, на возрастном?

дом нашем поступке должно сидеть библейское: не суди и не судим будешь. В ком мы всегда ищем виновника? Конечно, в начальнике, с которым работали, которому подчинялись. И у нас так. По-разному можно выходить из конфликта. Можно, как в семнадцатом, скинуть и расстрелять царя, можно затеять ссору с Любимовым, а можно просто сделать хороший спектакль и уйти в другое помещение. Им же захотелось поделить имущество, причем отобрать у нас три четверти площадей. Конечно, у Любимова были свои изъяны, человек он не из легких. Но ведь его имя - это имя театра. Так не лучше ли было уйти с "Таганки" по-мирному, найти другой коллектив, другого руководителя.

- Вы говорите как романтик, идеалист. О вещах вечных. А в том театре до сих пор многие считают, что Высоцкий был бы на их стороне. Человек ведь такая сволочь, что всегда найдет оправдание. Вот и наш театр гибнет, гибнет. Мы его все подкрашиваем, подмазываем, реанимируем. А время уже ушло, зал полупустой. На саях прошлого далеко не уедешь.

- Где берет и находит страдания бедный? Этот вопрос я обращаю и к себе, и к вам. Вспоминая разговор с Высоцким в один из тех предвечных июльских дней. "Золотухин, - начал Высоцкий, (заметьте, именно Золотухин, это означало, что разговор пойдет не в бровь, а в глаз), - у вас на Алтае по плану шестнадцать центнеров с гектара надо собирать, вы же в лучшем случае на круг собираете по двенадцать, а план выполняете. Откуда же вы берете хлеб?" Я опеял, я остекленел, я долго не мог въехать в его вопрос, в его заботу о людях деревни. А когда въехал, озверел. Меня захлестнуло внутреннее негодование, бешенство от бессилия ответить ему что-нибудь связное. "Да какое тебе дело, Владимир Семенович, до нашего хлеба, какое тебе дело, где мы дрожжи достаем?" - мельтешило в голове. А знаете, откуда он знал про эти гектары-пентнеры? Из газеты "Правда".

Он, оказывается, читал ту "Правду", с колонками всяких выкладок и цифр, ту "Правду", которую мы относили в нужное место. А Высоцкий читал ее с карандашом в руках. Потому читал, что болело в нем, страдало. И мне нынче стыдно об этом говорить: у меня, у человека "оттуда", давно не болело, а если и болело, то временами и по чуть-чуть, а у него всегда и на разрыв.

И если верить словам поэта Гейне, что трещина мира проходит через

жгли костер и выпивали, я на все лады повторял этих "моих коней". То была последняя встреча сестер и братьев с отцом. Я и нынче еще острее чувствую ту боль, которую недодал отцу, боль в любви, которую у него взял, потому что ему было не до нас, у него был колхоз, и он в нем председатель. И вот нынче - не знаю, поможет ли это мне или нет - я иногда вдруг достаю его орден и медали, смотрю на них, взываю к ним, ищу в них какого-то ответа и прошу у отца прощения... В нашем селе, как и повсюду, был разрушен храм, и сделали из него клуб, тот самый, в котором начинал свою самостоятельность. Так вот, с 91-го года мы пытаемся что-то сотворить, что-то изменить, но храм построить у нас не получается. То одни выборы, то другие, то одна непогода на Россию, то другая, и храм никак не строится, фундамент заложили - и все. И все это скатывается во мне в один клубок, скатывается, складывается, и получается какая-то страшная вина и боль.

- А как вы относитесь к "новым русским"? Вначале мы их проклинали, метали на них громы и молнии, завидовали им, а теперь вроде бы притираемся понемногу.

- Да как я к ним отношусь? Замечательно. Я считаю, что эти деловые ребята - наше новое будущее, как ни крути, как ни верти. Каким бы ни был этот новый или старый русский, бригитоловым или длинноволосым, которого в свое время не пускали в телевидение, еще там какой-то такой-сякой, но он - молодой. Он как знак нашего поколения, поколения наших детей, а теперь уже и внуки подрастают. За ними все равно Россия. Плохо ли, хорошо, но за ними. Так ругать ли его за то, что голова у него бри-

ровал коленный сустав. Диагноз же сразу не поставили. Не до моего тогда было диагноза. Лечение одно - гипс. Вытянули ногу на целых шесть сантиметров и заковали. Внутри возникла опухоль, которая стала чесаться. И так растерзал бедную ногу, что она загноилась. Дело было в санатории, куда отец мой с великим, почти нечеловеческим трудом и упорством, бродя из кабинета в кабинет разных начальников, меня все же отправил. Три года я лежал без движения. Не вставая. И вот сейчас врачи говорят, что я спас сам себя. Если бы не расчесал ногу и еще полгодика провалялся в гипсе, двигательный аппарат пришел бы в негодность. Когда сняли гипс, поставили меня стоймя, я стал на подбитом ботинке ходить - больная нога до пола не доставала. Но разными нагрузками заставил ее доставать до пола и служить свою службу. А так как я хотел быть артистом - а артисты должны уметь и плясать, - то я научил свою ногу и яблочку вприсядку. Мать с отцом были в шоке. В итоге мое бедро поднялось и я, обманув комиссию о своем физическом несовершенстве, был принят в институт. Поступил на оперетту. И продолжал тренироваться. И сам себя все же вылечил. Хотя нынче нога дает о себе знать. Видно, все же отслужила свое, на пенсию ей пора. Ведь в моем возрасте нельзя прыгать как в двадцать лет. А я в шестьдесят играю Самозванца и всю партитуру провожу на коленях, даже падаю на колени. Это же с ума можно сойти. У молодого и то суставы заболит, не то что у старого. Можно, конечно, над собой работать, но не издеваться же. А пойти отказаться от роли неудобно.

ТАГАНСКИЙ ТУПИК

История "Таганки" и впрямь страшная история. Безжалостная, несправедливая. Раскол знаменитого коллектива надвое - словно Гражданская война: брат шел на брата, подчиненный - на командира. И сегодня все еще, как мне показалось, идет это противостояние. По ошибке на встречу с Валерием Сергеевичем я пришел к новому, со стороны Салогово кольца служебному входу. А вход этот уже десять лет губенковский, то есть вход в другой, отколовшийся от основного театр.

Представился, сказал, что договорился о встрече с актером Золотухиным. Привратник мгновенно изменился в лице и заворчал: "Это не сюда, здесь никакого Золотухина нет, на улицу и туда-туда вниз, там ищите..." Искал чуть ли не полчаса. Нашел. Глянул на табличку, Господи: "Таганский тупик". Цербер на служебном подворье меня послал... Не туда-не туда, далеко-далеко... Хотя в эту минуту из театра торопливо выходил депутат Госдумы от фракции КПРФ Николай Губенко. Но он, возможно, не слышал об актере Золотухине.

Напоминаю, прославленный артист театра и кино в Московском драматическом театре на Таганке с 1964 года. Первая роль - Грушницкого в "Герое нашего времени", затем был занят в "Живом" Можаява, в "Мастере и Маргарите" Булгакова, в "Трех сестрах" Чехова, в поэтических спектаклях театра. Снялся в фильмах "Хозяин тайги", "Бумбараш", "Единственная", "Средь бела дня"... Выпустил девять книг прозы, воспоминаний и дневников, вызвавших острый интерес читателей. Друг В.Высоцкого. Народный артист РСФСР. Один из самых ярких актеров нашего времени.

Рассказал Золотухину, как долго я искал его в дворниках и улочках Таганки, и мы сразу заговорили о больном.

- Раскол Театра на Таганке - это драма в нашей культуре. Как переживали за всех вас, "таганцев", бесчисленные ваши поклонники. Прошла ли боль?

- Да не прошла, конечно. Но то, что улеглась эта ссара и смута, к лучшему. Вместе с расколом ушла какая-то черная сила. Ведь все равно в каж-

сердце поэта, то почему я не должен верить поэту Высоцкому, что трещина за алтайский урожай проходила через его сердце?

А вы спрашиваете о боли. Вот она - боль с карандашом в руках над газетой "Правда". А народ при этом, обыватель советский философствовал: да что он понимает в наших делах, жена-француженка, мотается по свету, живет на широкую ногу. Что ему не хватало? Но, оказывается, у поэта болит совсем по-другому.

Можно, конечно, спросить: а где болит у артиста, у лицедея? И сразу отвечаю первое, что приходит в голову. Всю последнюю неделю я очень переживаю перед выходом спектакля "Цена" по Артуру Миллеру. Драматург американец, и пьеса американская. О цене подержанной мебели. Дом идет под снос, братья должны продать мебель, а в результате выворачивают себя наизнанку, выясняя кровные семейные отношения. Казалось бы, что мне до боли американской семьи?! Кризис у них там или не кризис. Но эта пьеса всколыхнула во мне мою прошлую жизнь, дела давно минувших дней. Я вдруг вспомнил, как отец вместе с матерью переехали доживать свой век к среднему брату в Сибирь, в Междуреченск. И в какой-то год мы съехались, и брат, и сестра, и я. В то лето я снимался в фильме "Салют, Мария", где играл батьку Махно. А зима и весна того года были для меня и для Высоцкого борьбой за участие в фильме режиссера Полоки "Один из нас", про разведчика (в результате утвердили Высоцкого). И Володя сочинил какие-то жестокие романсы для будущей роли. Были там и такие слова: "Коней моих обидя не догонит, метель моих следов не заметит". Слова эти так ко мне привязались, что я чуть было не засобачил их в батьку Махно.

В семье я был младшим, и, когда мы сидели с отцом на какой-то горе,

тая? Она бритая, но, глядишь, и умная. Конечно, в таком революционном времени, в котором мы оказались в последние десятилетия, естественно, много накипи - и плохой, и хорошей. Но все равно Россия должна стремиться к доброму отечеству. Как говорится, мы у нее одни. Все разные, но одни.

- Валерий, ваши книги, а точнее ваши дневниковые записи, обнародованные уже почти десять лет, вызвали у читателей вулкан эмоций. Своими суждениями о Любимове, о Высоцком, о других коллегах вы почти шокируете публику. Что бы сказал Высоцкий о своем друге Золотухине, прочитав он напечатанное вами о нем?

- Давайте не будем гадать. Дело не в том, кто и что сказал о Высоцком, а в том, что сказал он сам своим творчеством и что предсказал в своем "Памятнике". Я уверен, что никакая правда не испортит его стихов, не погубит его творчество. Все же остальное не имеет к нему никакого отношения. Оно имеет лишь отношение к нашим душам, к нашей ответственности.

- К сожалению, Марина Влади решила больше не приезжать в Россию.

- Что же, это ее право. Она обижена, оскорблена, она хочет оставить ту память, которая в ней осталась. Ей многое не нравится из того, что открылось после смерти Володи, и в том числе отношение к ней нашей прессы. Она хочет сохранить к Высоцкому, его любимому, свое отношение. Ведь в случае ее приезда сюда ей будут обеспечены неприятные вопросы, подсухнут микрофоны для разбирательства, кто и в чем виноват. А она этого не хочет. В своей книге "Прерванный полет..." Марина сказала уже все, что хотела сказать. Она ответила за Володю и за их отношения своей жизнью. Главное, что они друг друга любили. И были счастливы.

- Валерий, как-то не решаюсь спросить, что с вашей ногой, вы и с палочкой ходили, и невольность испытываете на сцене? Эти ваши мучения видны даже со стороны. Болит?

- Это давняя история. В 48-м году, когда мне было семь лет, я травми-

- Ну тогда, Валерий, снова романтический вопрос: выходит, у актера Золотухина та самая трещина мира, о которой мы говорили, проходит в прямом физическом смысле и через его больное колено, в котором скопилось боль, боль человека-актера, боль за людей, за человечество, за правду, за любовь. Опираясь на ноющую голень, вы должны петь о высоком.

- Эх вы куда завернули. Так всякую боль можно за уши подтянуть ко всякой ерунде. Это уже ваше зрительское дело - чувствовать мою актерскую боль или нет. Меня, если честно, это мало интересует. Если я играю хорошо, то этот успех я не буду чем-то оправдывать, на что-то списывать, а если роль не удастся, то в этом не нога виновата.

- В своей новой книге "Банька по-черному" вы напечатали несколько писем-обращений в разные инстанции. Все они - крики о помощи чему-то или кому-то, те же боли. Например, в письме Патриарху Московскому и всея Руси.

- Да, письмо патриарху я написал прямо на Куликовом поле. Моя душа восстанавливалась по поводу долгостройного храма в память о погибших воинах. Десять лет не могут довести до конца строительство. Конечно, быть может, мой зов был наивным, но я полагал, что кто-то другой обратит внимание на это безобразия.

- Вы все время упоминаете отца, возвращаетесь к его памяти. Это похвально, благородно. Вы благодарный сын. И отцу на том свете, наверное, от этого легче.

- Да, отец для меня многое. В том числе и для моего ремесла. Он был еще председателем колхоза, когда я работал над ролью в можаевском "Живом". Я знал всю колхозную подноготную. В наших крестьянских семьях уклад был иным. Хозяином во всем и для всех был отец. Он отвечал за все, в том числе за жизнь жены и детей. Он понимал, что свое дитя он сумеет прокормить. Потому что брошенная баба - она и есть брошенная баба. И когда он, разлюбив и полюбив снова, уходил из семьи, то детей забирал с собой. А отец был трижды женат.

Феликс Медведев

Золотухин Валерий № 12. 2000